

Вячеслав Дегтяренко

Тáту

Вячеслав Дегтяренко

Тáту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29606704

ISBN 9785449033321

Аннотация

Повесть «Тáту 1989—2000» (в переводе с укр. – отцу) – сборник из писем отцу, хроник, дневников и рассказов, написанных в период службы и реанимированных спустя двадцать лет. Главный герой служит рядовым во взводе охраны, спортrote, затем курсантом и после распределения становится начмедом бригады спецназ. Места его службы: Харьков, Чернигов, Киев, Ленинград, Улан-Удэ-40, Тамбов. Он живет обычной жизнью: любит, страдает, воспитывает детей и думает о пропитании семьи.

Содержание

ДВА СОЛДАТА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
730 дней в сапогах	9
Харьков	22
Был ли Новый 1990-й год?	27
11.01.1990, Харьков	36
Вишнёвая косточка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тáту

Вячеслав Дегтяренко

Корректор Юрий Алексеевич Перминов

Корректор Александр Борисович Павловский

© Вячеслав Дегтяренко, 2018

ISBN 978-5-4490-3332-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДВА СОЛДАТА

– Я не подпишу согласие на лечение в психиатрическом отделении, – сказал заикающимся голосом матрос из Приморского края, – у меня последствия перенесенного инсульта. Я не могу нормально разговаривать, мои руки, ноги ничего не чувствуют.

– Но я не смогу начать ваше лечение и обследование, – настаивал лечащий врач, сидя напротив него в ординаторской, – к тому же госпитальные неврологи и врачи из Владивостока исключили вам этот диагноз. И томограмма показывает, что с вашим мозгом всё в порядке.

– А что у меня?

– Вас доставили к нам, так как у вас развился невроз. Вероятно, конверсионный, который проявляется заиканием и слабостью.

– Вы хотите сказать, что я псих?

– Нет. У вас был стресс, после которого вы переживали, и это подействовало на психическую сферу.

– Доктор, поверьте, я ведь не мог даже ходить. Не мог есть, пить. Всё из рук валилось. Я ничего не чувствовал...

– Это тоже невротические проявления.

– Вы понимаете, что много на себя берете? У меня мама – майор МВД, а дядя в Генштабе служит. Я уже жалобу в прокуратуру подал на командира и врачей госпиталя Владиво-

стока с требованием о возмещении причинённого вреда.

– Вас унижали, оскорбляли или вы не доедали в столовой?

– Сложно сказать. За месяц в армии такого навидался. На всю жизнь хватит. Зарядка, крики в казарме, везде бегом или строем. Пища мерзкая и однообразная. Я переживал. Звонил маме, дяде. Они обещали перевести меня в другую часть, поближе к дому.

– Дедовщина-то в армии есть сейчас? – после паузы поинтересовалась дама-врач, – вы мыли полы? Стирали чужое белье?

– Что вы? Видеокамеры в казарме. Убирали у нас технички из аутсорсинга. В каждом кубрике есть моющие пылесосы. В умывальных комнатах стиральные машинки стоят.

– Согласие на лечение подпишете? – наседал коллега.

– Мне нужно срочно позвонить маме. Где мой телефон? Я уже час в вашем отделении, а телефона всё нет. Почему его не принесли до сих пор?

– Вам девятнадцать лет. Что вы заладили: «маме позвонить»? Телефон скоро принесут.

– Я так не могу. Вы нарушаете мои гражданские права. И потом, невроз ведь ограничивает меня в будущем. Может, я в полицию пойду служить или поступлю в академию госслужбы... Что будет написано в моём военном билете? Дурак?

– Нет. Там будет написано: **В** – ограниченно годен к военной службе.

– А я получу денежную компенсацию?

– Конечно, получите. Ведь ваше заболевание развилось в период военной службы.

– Сколько?

– Раньше было двадцать окладов. Сейчас чуть больше.

– Ладно, давайте бланк, – с облегчением сказал матрос.

Это было вчера. А сегодня у парня разрядился телефон, и пропала зарядка, и он, лёжа на кровати, бил кулаками в подушку, приговаривая, что все врачи-сволочи, что вывернет всю армию наизнанку. Пришлось дать ему успокоительное. Взбудораженная мама из далёкого Оймьякона позвонила начальнику отделения и пригрозила подать на всех в суд: «Что из сына, ставшего в армии инвалидом, пытаются сделать ещё и овощ. Что его лишили связи с родителями, ущемляют в правах, и что у него даже нет туалетной бумаги...»

– Не переживайте, коллега, время сейчас такое... судиться, подавать жалобы, отстаивать свои права! – сказал я, – хочу вам зачитать письмо другой солдатской матери.

«Здравствуй сынок! Наконец получили твоё письмо. Хотя оно нисколько нас не обрадовало. Я думала, что ты начнёшь службу гораздо лучше. Ну а ты начал её с нуля. Я не служила в армии, но думаю, что нечестно брать сахар со стола, хоть это были остатки. Не унижайся! Будь нормальным солдатом. Как бы тебе тяжело не было, не будь слюнтяем. Если это поймут твои товарищи, ты станешь изгоем. Ты извини, сынок, что я грубо с тобой разговариваю, но ещё раз прошу

тебя: будь нормальным человеком. Это значит: не унижаться, не воровать и не жаловаться на судьбу. Я за этот поступок тебя не одобряю. Как бы тебе тяжело не было, ты должен остаться человеком, а не говном (ещё раз извини). Я тебя, конечно, поняла. Что ты мало спишь, ходишь в наряды, убираешь мусорку, что похудел на десять килограмм. Всё это можно пережить. Но если сломаешься, – твои товарищи тебя не поймут...

Сынок, будь солдатом и мужчиной, не падай духом и держи выше нос. Я на тебя надеюсь, что ты себя не утопишь в грязи. Ведь ты был на гражданке хорошим человеком, спортсменом, отличником. Докажи им всем, кто ты да что ты. И чтоб туалеты ты больше не мыл... Я знаю, тебе трудно во всём, но примиришься. Ведь и на нашей улице будет праздник. Я в тебя верю, как в человека и как в сына и надеюсь, что ты не замараешь звание «советский воин»! Целую тебя крепко, твоя мама».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

730 дней в сапогах

До Нового года оставалось двенадцать дней. Вечером был последний ужин в кругу семьи и друзей. Проводы отмечали в смежных комнатах. В одной – друзья родителей, во второй – школьная и дворовая компания. Я перебегал от одного стола к другому, слушал пожелания и напутствия тостующих мужчин, но ничего не запомнил. Приехали и мои однокурсницы из киевского медицинского училища, где им оставалось учиться ещё семь месяцев. Вечер пролетел одним мгновением. Четыре часа на сон – и спешные сборы в дорогу.

Утренний зимний дождь чередовался с мокрым снегом. Он таял, касаясь ещё не остывшей земли. Я надел отцовские туфли, школьный костюм с ватной телогрейкой и вылинявшую кроличью шапку, собрал провиант в туристический рюкзак. Брать или не брать спортивную форму и кроссовки? Ведь надо будет тренироваться. Решил, что в случае необходимости родители пришлют её посылкой.

В военкомат провожали родные и друзья. Фотограф запечатлел, как слёзы мамы, бабушки и сестёр перемешивались с каплями зимнего дождя и в утренней темноте их можно было заметить с фотовспышкой.

Военный комиссар с напутствием «защитать Родину – великий Советский Союз...» выдал красную книжечку военного билета. Пока разглядывал страницы, капли декабрьского дождя оставили две кляксы от расплывшихся чернил.

На построении военком произнёс казённую речь, которую я не раз слышал на митингах и парадах. «Про дело Ленина и мировой пролетариат... про подвиг дедов и отцов... про угрозу империализма и про великую честь по защите завоеваний социализма...» На душе стало тоскливо и мрачно. Под туш оркестра «Прощание славянки» мы загрузились в холодный и неуютный салон ПАЗика.

Через час выгрузились и разместились в трёхэтажной казарме сборного пункта. Кто-то с кем-то знакомился или договаривался о дальнейшей службе с «покупателями». Так называли прапорщиков и сержантов, прибывших за молодым пополнением. Кто-то доедал домашние заготовки и рассказывал анекдоты с армейскими небылицами. Кто не успел, мог посетить армейскую парикмахерскую, где за двадцать копеек военные парикмахеры делали стрижки «под ноль». Каждый пытался скоротать время по-своему. День прошёл в непонятном и тревожном ожидании.

Ещё один формальный врачебный осмотр, на котором вчерашние школьники пытались симулировать психические болезни криками и припадками. Последний буфер, когда возможно задержаться на гражданке. Но врачи с невозмутимым видом ставили штампы в картах: «Здоров. А – годен

к военной службе». Болеющие, хромые, слепые, припадочные и симулянты уходили в стройбат или на флот, где за три года могли оздоровиться.

Весь день родители ожидали моей отправки за воротами КПП, и мы обменивались с ними записками через дневальных. За две бутылки водки командир роты отпускал на ночёвку. Но я решил, что останусь здесь.

В десять прозвучала команда дежурного: «Рота, отбой!». Не раздеваясь и не снимая обуви мы улеглись на двухъярусные деревянные нары. Подушками служили рюкзаки с провиантом, а одеялами наши телогрейки. Вскоре потушили свет. Тускло горело лишь зелёное дежурное освещение.

Спать не хотелось. Соседи по койкам шёпотом делились впечатлениями от первого прослуженного дня. После зычного голоса сержанта: «Суки, если услышу хоть один шорох, б...ь, источник, б...ь, будет на всю ночь откомандирован еб... ить плац, пид... рить туалет, х... рить картошку! И не сомневайтесь, п... оболы, работы хватит для всех!», – наступила тишина.

Лёжа на втором ярусе, я размышлял, для чего столько ненужных слов в речи этого молодого человека с умным лицом и модной оправой очков. Не исключено, что в школе он был хорошистом и увлекался игрой в шахматы. Неужели в армии не принято быть интеллигентом? Ведь эту же тираду можно было произнести другим тоном и с бóльшим эффектом. От размышлений меня оторвал шепчущий голос жули-

коватого по повадкам новобранца, который перелез на мои нары от соседа:

– Слышь, братан, помоги. Зёму менты ночью загребли... Вот малява... Надо двести рублей собрать... Сколько можь.....

– Извини, не брал с собой.

Ощущение, что меня арестовали. Только вот за что, я так и не понял. Бесконечные проверки, переключки, построения, колючая проволока на заборе, дефицит отдыха, минимум гигиены, блёклое питание, надзиратели сержанты, непонятная система наказаний, что дополнялось нецензурной коммуникацией.

Первые сутки военной службы позади. Оставалось семьсот двадцать девять!

В шесть утра, сформировавшись в команду из сотни человек, мы выдвинулись на электричку к станции Дарница. Сопровождающие нас прапорщик и старшина держали маршрут в тайне, так как боялись побегов. Пассажиры сторонились лысых новобранцев и переходили в соседние вагоны. Шум и галдёж сопровождался выпивкой, курением, анекдотами, азартными играми, выяснениями отношений и нецензурной бранью. Толстый краснолицый старшина со значком «Гвардия» рассказывал байки о службе...

Хутор-Михайловский, Нежин, Чернигов – остановки, где мы пересаживались с одного поезда на другой. В привокзальных киосках я покупал почтовые открытки, оставляя

на них свои заметки для родителей: «Доехал до Нежина, следую в Чернигов. Целую!» – и опускал их в почтовые ящики.

В четыре утра мы высадились на станции Горностаевка. Маленькая приграничная деревенька, затерянная в глухих лесах. После переклички рота выдвинулась по узкой дороге, перемешивая мокрый песок и грязь.

Через час показались ворота с аббревиатурой «ЧВВАУЛ» и привинченными к ним пропеллерами.

Нас завели в холодный актовый зал, который выступал одновременно и ленинской комнатой. Полтора часовой инструктаж о том, кто такой солдат, его обязанности и об уголовной ответственности за побег. В новой интерпретации это звучало, как «самовольное оставление части» (СОЧ). Мне показалось странным, зачем и от кого убегать советскому солдату?

Здесь же приказали выбросить продукты на некрашенный пол, а все ценные вещи с туалетными принадлежностями упаковать в пакет, чтобы сдать каптёрщику. Должность, которая в армии сродни завхозу. Ими, как и хлеботорезами чаще становились ребята с Кавказа. Кто-то спрятал провиант в карманы. Но в строю нас ещё раз проверили сержанты и продукты были отобраны, а из провинившихся сформировали рабочую команду. Ещё раз довели, что невыполнение воинского приказа грозит нарядами на работу (мыть полы, туалеты, мести улицу и т.п.) Наряд – это своеобразное наказание и/или армейская повинность.

Разместили в летних домиках, по кубрикам, где с трудом можно протиснуться между двухъярусных кроватей. От холода зуб на зуб не попадал. Буржуйка слабо отапливала помещение, и пар валил изо рта. Про постельное бельё забыли. Да оно и не понадобилось, так как раздеваться бессмысленно. Подушки, матрасы и одеяла были влажные и пахли плесенью и дустом.

Сна нет. Беспокоили мысли, связанные с домом и с ощущением угрозы, исходящей от старослужащих. Бросался в глаза контраст между требованиями, предъявляемыми к нам и ожиревшими распоясавшимися солдатами весеннего призыва.

В шесть утра прозвучала команда дневального:

– Рота, подъём! Выходи строиться на утреннюю физическую зарядку! Форма одежды номер три.

– Какая зарядка? Ведь я глаз так и не сомкнул.

Зарядка – это построение на импровизированном плацу в чистом поле. Сержанты обучали первым премудростям армейской жизни. По нескольку раз мы выбегали из казармы и становились то в колонну, то в шеренгу, то вновь разбегались.

В туалет и к умывальникам передвигались только строем (в колонну по шесть) – всей ротой или отделением, маршируя и запевая песню о храбрых лётчиках, разученную накануне.

Солдатская столовая – это маленькое затхлое помеще-

ние с кислым запахом и почерневшими от времени, плесени и сырости стенами. Мы ждали её, как праздник, который скрашивал серые однообразные будни, так как каждый приём пищи чем-то да удивлял.

Основным строевым упражнением в столовой было «сесть-встать». Всё это происходило под смех и одобрителльные выкрики со стороны откормленных солдат – поваров с Кавказа. Когда сержанты добивались синхронизации нашей посадки, муштра переходила на раздатчиков пищи. На приём пищи оставались считанные минуты. После этого раздатчики накладывали огромной поварёшкой еду из чугунного котла в жирные алюминиевые тарелки. К ним было безразлично прикасаться, как и к кружкам, где на поверхности напитков плавали радужные пятна.

На завтрак – варёное сало, на гарнир – перловая каша, на десерт – сладкий чай, недопечённый хлеб и кусок масла, которое выступало своеобразным десертом.

Пища постоянно холодная, но и она проглатывалась. Кормили скудно, однообразно и неэстетично. Через час о приёме пищи забывал. Брать с собой хлеб категорически запрещалось, но некоторые тайком прятали его в карманы и за пазуху, за что наказывались нарядами на работу.

В десять часов утра объявили об очередном построении. Место – заснеженное поле на окраине лагеря. Точнее, сержант назвал это плацем, так как накануне трое провинившихся солдат лопатами сделали разметку и расчистили снег.

«Три солдата из стройбата заменяют экскаватор» – незло пошутил дед.

После не первой и не второй переключки мы замерли в ожидании командира батальона майора Петренко. О нём говорили только шёпотом и с придыханием. Каким далёким и всемогущим он тогда казался. Сколько власти в его руках! Ведь из этой учебки нас распределят по весям нашей Родины. Радовало, что уехали на электричках, – значит, географической ареал службы будет нешироким. Везунчиков, как считали, могут оставить здесь и через шесть месяцев выпустят сержантами.

– Батальон, раавняйся... Смирно! Равнение на середине... – прозвучала команда капитана.

– Здравствуйте, тааарищи солдаты! – выдохнув пары тёплого воздуха, строго пробасил комбат.

– Здравия желаем товарищ майор! – в один голос протяжно ответил батальон.

– Плохо, таарищи солдаты! Сразу видно, мало каши съели! – пошутил он, – командиры взводов, даю десять минут на проведение тренировок с подчинёнными.

Через десять минут приветствие стало только хуже и всё повторилось. С густых туч падал мокрый снег, у многих сапоги промокли ещё с ночи, а мы второй час разучивали приветствие, которое в виде какофонии разносилось по еловому лесу, пугая ворон да сорок. В конце концов, синхронизация и тембр были достигнуты (или комбат подмёрз?), и май-

ор Петренко почти повторил речь нашего военкома, только в более широком формате.

Мы слушали майорский монолог, боясь пошевелиться и пропустить что-то важное. Вспомнились уроки начальной военной подготовки, так как своими манерами он напоминал школьного учителя – отставного подполковника. Те же будённовские усы, расширенная сетка капилляров на одутловатом лице, прокуренные пальцы и несмело выступающий животик на неуверенных ножках. Я подумал, что в армии куют однообразных офицеров, которые довольно точно передают её дух.

Многое было непонятно. Я прежде не встречал мужчин, громко матерящихся на публике. Связывая скрижали русского языка с узко специфическими терминами: гарнизон, гауптвахта, наряд, строй, СОЧ, дисбат, майор сеял среди нас страх и уважение.

Ясно было одно, что теперь мы – солдаты, живём по распорядку дня, который регламентируется Уставом внутренней службы. Мы служим Родине и должны быть ей благодарны за возможность провести в армии два года, так как экономим на одежде и питании!

– У кого возникнут сомнения на этот счёт, тот может продлить своё пребывание в войсках на неопределённое время. Для непонятливых имеется альтернатива – дисциплинарный батальон... – завершил речь майор, – у кого ещё остались вопросы? Шаг вперёд!

Вопросов не было. Редкий смельчак может задать вопрос из строя. Нужно быть слегка раненым, чтобы набраться отваги и спросить что-то в строю. Даже если тебе непонятно – следует молчать. Кто задаёт вопросы из строя, – тех признают сумасшедшими. Об этом напутствовал меня отчим и дурья постарше.

В армии, как мне показалось, принято запугивать. Дисбатом, гауптвахтой, нарядами, дополнительной работой, отдалённым гарнизоном, лишением увольнения, отпуска, премии и других материальных благ. Вероятно, это необходимо для укрепления сознательности, боевого духа и единоначалия.

Поздно вечером на вещевом складе нам выдали первую военную форму. На солдата причиталось: кирзовые сапоги, байковые портянки, две пары белья (тёплое и холодное), гимнастёрка и штаны-галифе, а также шинель до пят, двупальные шерстяные рукавицы, цигейковая шапка, подворотнички и летняя пилотка.

После отбоя нас повезли в полевую баню. Я тогда ещё не знал, что мыться мы будем один раз в неделю, а в остальные шесть дней – лишь умывальник с холодной водой. Для личной гигиены достаточно двух вафельных полотенец в неделю и куска хозяйственного мыла на месяц. Солдат не потеет! Главное – это ежедневный чистый подворотничок, за белизной которого на утренних осмотрах трепетно следили сержанты и старшина. Пришивая его, я вспоминал

начальную школу и классного руководителя, которая делала мне замечания после недельной носки подворотничка. Но сейчас иное. Подворотничок – это своеобразный маркер и не столько гигиены. По нему можно судить о достатке, свободе, сроке службы военнослужащего. Я видел, что старослужащие подшивали его чёрными нитками, которые контрастировали на фоне толстой белой тряпки от изуродованных простынь.

Если о личной гигиене почти не заботились, то для общественной предназначались столитровые стальные баки с хлорной известью и лизолом, которым дежурная смена (наряд) щедро обрабатывали кубрики, умывальники и туалеты. Также я заметил, что в армии должно быть всё на виду. Приём пищи, душа, сон, посещение общественных мест, – минимум перегородок, минимум стеснения.

Новобранцев перед входом в дышащее паром брезентовое сооружение всех внимательно оценивали старослужащие. Они «старательно» запаковывали вещи в фанерные ящики и якобы отправляли нашим родителям. Попутно проверяли наличие денег, наручных часов, авторучек, зажигалок, домашнего белья и носков. У солдата ничего не должно быть личного и выделяющегося. Никакого белья и носков! Всё – единообразное и казённое!

Мылись мы по десять минут на группу из семи человек. Вода из труб подавалась либо очень горячая, либо наоборот, шла ледяная. Краники отсутствовали. Поэтому приходилось

стоять в стороне от сбегających струй и ладонями черпать её. Полотенец не было, как и тапочек, мочалок, шампуня.

С трудом на мокрое тело налезало бумазейное бельё, которое впитывало в себя влагу.

Форма послевоенного времени. В ней мы скорее походили на военнопленных, нежели на советских солдат. Наиболее популярный размер одежды – сорок шесть, третий рост. На крупных парнях одежда трещала и расходилась по швам, что смешило старослужащих.

Затем наступили премудрости клеймения и пришивания погон, петличек, шевронов, пуговиц, эмблем.

Сержант тщательно проверял качество, измеряя линейкой требуемые миллиметры. Не понравившееся «рукоделие» сдирал. Так продолжалось достаточно долго. Свои услуги предлагали старослужащие. Погоны – червонец, шеврон – три, петлички – два, полный комплект подгонки обмундирования стоил двадцать пять рублей. Находились те, кто не сдерживался и отдавал.

Первые сутки учебки, казалось, вместили в себя более двадцати четырёх часов. «Когда же она закончится, и наступит достойная военная служба? – думал я, та, которую привык наблюдать в передаче „Служу Советскому Союзу“, та, о которой так романтично писали советские литераторы...»

Пока шил, вспоминал стихотворение «Швачка» (*швея*) Т. Г. Шевченко, которое изучали на украинской литературе. «Рученьки липнуть, зліпаються віченькі,

Боже чи довго тягти?

З раннього ранку до пізньої ніченькі

Голкою денно дерти...»

(Руки устали, слипаються глаза, боже, сколько осталось?)

С раннего утра до поздней ноченьки иголкой денно шить).

После подшивки перешли к клейменію обмундирования раствором хлорной извести. Спичкой, на которую наматывалась нитка, необходимо обвести фамилию с инициалами, дату призыва и номер военного билета на всём выданном имуществе, соблюдая заданные размеры и строгие правила. Мне было легко, так как в детском саду воспитатели привили любовь аппликациям и рукоделию. Все мальчишки к восьмому марта вышивали салфетки с пионами для мам и бабушек.

Через неделю учебки нас сформировали в команду из двадцати человек. На продовольственном складе выдали сухой паёк, пешком мы дошли до станции Горностаевка, там сели в дизель-поезд, и он повёз нас в южном направлении.

Первым делом опустошили содержимое сухого пайка, состоявшего из перловой каши, жира с прожилками говядины, заспиртованного хлеба и сухого гороха. Всё было проглочено сразу, несмотря на внешнюю непривлекательность содержимого, под указания сопровождающего, что ехать будем долго. Но и этого оказалось мало. Голод продолжал мучить. Пассажиры вагона, заметив бегающие взгляды, угощали нас, кто чем мог, и мы не стеснясь брали.

Харьков

Увидеть его улицы мы смогли лишь через щель брезентового навеса грузового автомобиля, который привёз нас в Харьковское высшее военное авиационно-инженерное училище (ХВВАИУ).

– Повезло вам, пацаны! – сказал водитель ГАЗона, – это не в полях окопы копать.

Нас было мало в сравнении с остальной массой солдат. Всех, не принявших присягу, окрестили «духами». И полтора месяца выкрики дедов и черпаков: «Духи, вешайтесь!» преследовали марширующие ряды.

Сержант Пейшель поставлен руководить нашим взводом на карантине. Что это означало, никто не знал. Ведь мы не заразные и ничем не болели.

Всех молодых солдат разместили в одной казарме. По ночам в кубрики приходили «старики». Наверное, от скуки или от злобы, нам устраивали учебные тревоги и «смотрины». Заодно с обмундирования отрывались пуговицы, «сравнивались» ремнём окружности талии и головы. Кого-то заставляли отжиматься от пола или пробивали грудь. За деревянной перегородкой казармы жили стройбатовцы, которые после ухода «экзаменаторов», продолжали вбивать азы армейского бытия. На каждую метко брошенную фразу, необходимо было дать ответ, как правило, одновременно всем взво-

дом, громко и нецензурного содержания. Ночи были бессонными и состояли из тренировок на одевание. Сорок секунд – пока горит спичка. За это время надо выпрыгнуть из кровати, одеть и застегнуть обмундирование, намотать портянки. «Намучившись» с нами до двух-трёх часов ночи, сержанты шли спать, оставляя нас пришивать оторванные пуговицы и устранять выявленные недостатки.

Голод преследовал постоянно. Худели на глазах. Ели всё, что жевалось. Особенно вкусной показалась мне подмороженная рябина, которую не успели склевать снегири. Кто не курил, начинал курить. Во-первых, время перекура – это время отдыха. Чем больше перекуров, тем больше отдыха. Во-вторых, в курилке появлялась возможность обсудить то, о чём в казарме нельзя было и заикнуться. Но и здесь возникали проблемы, связанные с поиском сигарет. Как правило, собирались окурки (бычки). Остатки табака смешивались и набивались в самокрутки из листов от газеты «Правда» из ленинской комнаты. Окурки выискивались по всему периметру нашей части во время уборок территории.

Всё, что каким-то образом уцелело в Горностаевке, безропотно отдавалось сержантам и старослужащим. Но мой блокнот и спрятанные в нём пять рублей ещё долгое время хранились, как НЗ (*неприкосновенный запас*). Купить еду было невозможно, так как в солдатскую чайную нас не отпускали. «Не положено по сроку службы духам ходить в чипок!» – повторял сержант. Да и денег у нас тоже теоретически не долж-

но было быть. В дальнейшем я с другом всё ж таки пробрался в чайную, но наш обед был замечен черпаком (прослуживший год). Он доложил сержанту, и наказание не заставило себя долго ждать. Наряд на работу в туалете и три наряда по службе вне очереди.

Как-то проходил мимо курсантского стола, где после завтрака остались кусочки рафинада, и взял, сколько поместилось в руку. За мной шёл старшина. Пять нарядов вне очереди – сутки через сутки. Самое распространённое в последующем взыскание. К чувству голода прибавился хронический недосып. Когда рассказывали, что в армии можно спать на тумбочке, – я удивлялся. Но здесь я научился спать сидя, стоя, лёжа на столе, на подоконнике и даже на ходу, пока идёшь в столовую. Всё это я опробовал на себе. Первую свою ночь в первом же наряде я спал на нешироком подоконнике казармы.

Иногда с наряда снимали, и, предоставив несколько часов на «отдых», ставили повторно. Причина для этого могла быть разнообразной, но она всегда находилась: мусор в казарме, вальяжная строевая стойка, ремень затянут не по сроку службы, голос тихий или невнятный. Дополнительно ко всему этому командир взвода устраивал проверки бдительности. Во время полагающегося в наряде отдыха, отстегнет штык-нож с ремня и спрячет у себя в кабинете. Некоторое время пытаешься найти пропавшее оружие. Не находишь и идёшь докладывать вместе с дежурным по взводу о пропа-

же. Он даёт время на поиски – один-два часа. При этом напоминает об уголовной ответственности военнослужащего за пропажу (хищение) оружия. В конце концов, когда уже готовишься морально к предстоящей ответственности, а в душе образовывается вакуум от неминуемого наказания, он вызывает к себе в кабинет и, самодовольно бросая штык-нож на свой стол, снисходительно заменяет лишение свободы пятью нарядами вне очереди.

Между нарядами и работами солдаты изучали общевойсковые уставы, на занятиях по политпросвещению замполит сообщал нам о потенциальных врагах социалистического строя и союзниках в деле победы коммунизма во всем мире. Теорию меняла иногда строевая подготовка, где мы часами на подмёрзшем скользком плацу учились строевому шагу и строевым приёмам без оружия. В девять вечера – обязательный просмотр программы «Время» и написание писем домой; подгонка обмундирования, уборка территории, работа на мусорной свалке. Всегда необходимо было создавать вид двигающейся машины.

«Солдат без дела не должен находиться! Если ты просто сидишь, – значит, в следующее мгновение ты будешь работать!» Это один из первых постулатов армейской жизни, который я усвоил. Второй – «Если ты не хочешь, то всегда найдется тот, кто сможет найти способ заставить!» Я искал и находил «полезные» занятия. Это, могло быть, например, длительная обработка солдатской бляхи, пуговиц или уход за са-

погами.

Сначала она (бляха) ушком швейной иглы тщательно нацарапывается, затем «нулёвкой» – наждачной бумагой зачищается. После чего на шинельный лоскут лезвием бритвы мелко нарезается дефицитная «паста ГОИ» (твёрдая зелёная масса, происхождение которой и появление её в казарме никто никогда не знал), никогда не встречавшаяся мне ранее, но безумно популярная и дорогая вещь в армии. Далее она впитывается в этот лоскут и им натирается всё то, что может блестеть: пуговицы, кокарда, бляха. Причём бляхе солдатского ремня придавалось колоссальное значение. Она быстро окислялась, тускнела на влажном воздухе и требовала обработки по нескольку раз в день. За нечищеную бляху любой старослужащий мог нанести удар в область грудной клетки. Нечищенная или случайно расстегнутая пуговица на кителе отрывалась иногда с остатками материи и последующим ударом. Следующим элементом служили сапоги. Но здесь – без комментариев. «Сапоги – зеркало души», – сказал сержант Пейшель на утреннем построении. Далее следовал поясной ремень. Он должен был затянут таким образом, чтобы между ним и животом не пролез и палец. Окружность талии новобранца (духа), которая определяла длину ремня, измерялась по окружности головы на уровне подбородка и темени. Тучным солдатам не везло. Лица их синели, краснели, и после пары пинков им разрешалось расслабить ремень. На свободном внутреннем крае ремня мы вырезали зубчики. Каждый

зубчик – месяц службы. У каждого солдата был карманный календарь, в котором он иглой прокалывал пережитый день. Даже спящий он знал, сколько осталось дней до ДМБ.

Был ли Новый 1990-й год?

Мы сидели в ленинской комнате вместе с командиром роты и удивлялись новому слогу первого Президента Советского Союза. Ведь ещё год назад, это слово было ругательным и ассоциировалось с заокеанским врагом, которого карикатурно толстым в штанах в полоску, с цилиндром на голове и моноклем в глазах изображали в журнале «Крокодил».

На столах-партах расставлены бутылки лимонада, печенье, да по яблоку на человека.

– Ты чего бы хотел сейчас, Слава? – спросил у меня Ахмед из Таджикистана, когда мы пили «Ситро» под бой курантов на Спасской башне.

– Я бы...? Да, наверное, как и любой из здесь присутствующих – оказаться поскорее дома.

– Давай выпьем за то, чтобы наши желания поскорее сбылись!

В дальнейшем мы часто общались с ним, описывая друг другу, как выглядит наша Родина за забором КПП. Ахмед не мог поверить, что в Пасху принято разбивать варёные крашеные куриные яйца и на слова «Христос воскрес!» от-

вечать «Воистину воскрес!»), сопровождая это трёхкратным поцелуем.

– И что, я могу подойти к первой девушке и сказать ей «Христос воскрес!» и поцеловать её три раза, а она не позовёт милицию?

– Можешь Ахмед!

– И когда эта ваша Пасха должна состояться?

– В конце апреля.

– Поскорей бы!

Ахмед обучил меня трём десяткам основных таджикских слов, русскую транскрипцию которых я записал у себя в блокноте.

Командир роты после команды «отбой» ушёл встречать праздник в круг домочадцев, а мы, лёжа на койках, до утра слушали продолжение банкета старослужащих. Не обошлось и без обязательных построений и сорокасекундных одеваний.

Карантин должен был скоро закончиться. Прошёл месяц службы. Старики, завидев издали нашу колонну, кричали нам вслед: «Духи, вешайтесь!». Скоро должна была состояться присяга, текст которой мы заучивали под присмотром замполита. А после присяги нас должны были перевести по подразделениям.

Как и полагается, нас вывезли в уличный тир, где каждый выстрелил из винтовки Мосина по три патрона, внося таким образом свой вклад в дело защиты Родины от потенциальных

врагов, о которых нам не переставая рассказывал замполит на занятиях по внешней политике СССР. Теперь же можно было спокойно приступить к принятию военной присяги.

Два вопроса, которые интересовали всех в день 19 января 1990 года. С каким оружием мы будем сдавать присягу (дадут ли курсантские автоматы?), и кто к кому приехал? Не знаю, каким образом наши родители узнают о дне присяги, но не приехать к сыну на присягу считается большим упущением в воспитании. Хотя к ребятам из Средней Азии и Закавказья так никто и не добрался, но они не подавали обиды и мы как могли, утешали их, по-братски делясь с ними домашними пирожками и конфетами.

Приехала мама с младшей сестрой Витой. Сестре было девять лет, и для неё это было не меньшим праздником, чем для меня (поездка в другой город на присягу к брату).

Нас переодели в парадную форму одежды, ведь не могли мы показаться перед родными в том засаленном, мелкоразмерном, перешитом, смешном, что прикрывало тело солдата повседневно. Форма была всем к лицу и создавала героический образ защитника Отечества.

Автоматы получили курсантские, так как нам оружие не было положено по штату. Большая радость держать в руках настоящий автомат Калашникова после того, как кроме веника, швабры и лопаты ты ни к чему не прикладывался! Сразу активируются древние инстинкты защитников-воинов, повышается статус, и чувствуешь себя героем.

Нас построили в музее училища в две шеренги. Родственников разместили на левом фланге. Командир автороты вызывал нас по два человека из строя, и мы, перебивая друг друга, каждый в своём ритме читали текст присяги.

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников...

Присяга была длинной. Каждый читал её со своей скоростью, и со стороны это было похожем на словесный каламбур или какофонию. Хотя, когда читаешь её текст, кажется, что совершается какое-то священнодействие и все окружающие звуки перестают для тебя существовать. Лишь ты, красная корочка адресной книги, цевьё автомата и деревянный приклад, сжимаемые в руках. Даже сдача школьных экзаменов по накалу не дотягивала до принятия военной присяги.

Не у всех выходило гладко с чтением, несмотря на то, что её текст многими был выучен наизусть. Рыжий киргиз – Мансур – знал лишь русский с матерной стороны и общался с нами через более продвинутых земляков. Текст присяги он повторял после подсказок командира роты. Со стороны это выглядело комичным и вызывало смех у наших родственников. Казалось неправдоподобным, что кто-то может быть неграмотным и не знать русского языка!

Далее нас ждал праздничный обед. В этот день пища у нас не отбиралась и порции положили в два раза полнее. Выданы даже яблоки (по одному на солдата). Затем родители преподнесли домашние заготовки нашему командиру и нас соразмерно с этим отпустили в увольнение. Перед выходом из казармы он в течение часа инструктировал, спрашивал о знании обязанностей солдата в увольнении, правилах нахождения в городе. Лишь после того, как я отчеканил, что «в увольнении я должен быть вежливым, предупредительным, тактичным, внимательным, отдавать воинское приветствие старшим по воинскому званию...», он вручил мне невзрачный бланк увольнительной записки, которая давала право покинуть территорию воинской части.

За прошедший месяц оказалось, что я забыл о существовании жизни за забором, где ездят трамваи, где можно всласть есть, спать и просто расслабиться. Всё казалось таким далеким и нереальным. Чувствовал, что мой статус поменялся.

Гостиница, торжественный ужин в ресторане, домашние пирожки, рассказы, напутствия, мамины слёзы и долгое прощание. Увольнение пролетело мгновенно. Теплилась надежда на то, что скоро меня вызовут в спортивную роту.

На следующий день нас разбросали по подразделениям. Карантин закончился. Из запахов мы превратились в духов. Приходили сержанты, вглядывались в наши лица и выбирали достойных из достойных. Первой была сформирована ав-

торота. Затем взвод охраны, пожарная команда, радиоузел. Оставшихся от делёжки новобранцев, забрали во взвод материального обеспечения.

Я попал во взвод охраны. Командир отделения – сержант Пейшель, командир взвода – прапорщик Колесников. Первые настоящие начальники и командиры. «Военнослужащие, согласно воинского устава, делятся на начальников и подчинённых». Сколько всего самого недоброго мы тогда желали белорусскому парню, который заставлял нас лезвием бритвы драить кафель на полу в умывальнике, часами чистить писсуары и унитазы, с использованием мыслимых и немыслимых средств, а затем пальцем проверял качество проделанной нами работы и жестоко наказывал провинившихся повторными продолжительными работами на унитазах. Меня поразило отсутствие чувства брезгливости и его упёртая настойчивость в контроле исполнения приказаний. Я был не готов, и наряды сыпались на меня один за другим.

Все солдаты объединяются в земляческие группы. Этот принцип стадности очень прослеживался во всех подразделениях. Причём у солдат, призванных с Кавказа и Средней Азии, он выражен ярче. Так и мы создали свою киевскую группу. Но противопоставить себя азиатским группам она не могла. Поэтому нам доставалась самая грязная, самая чёрная работа, поэтому, наверное, никто из нас не был ни каптёрщиком, ни поваром, ни хлеборезом. Может быть, это связано с отсутствием практицизма в славянской душе.

Так или иначе, я принял решение «завязываться» на медицинском пункте. Имевшиеся за плечами полтора года обучения в медицинском училище давали на это основание. Появившиеся новые друзья-киевляне Пашка и Виталик подталкивали меня к этому. А в медпункте можно заниматься любимым делом. Плюс всегда тепло, уютно и есть излишки еды.

В конце января тамошний санинструктор предложил прокатиться по вечернему Харькову, чтобы посмотреть город. Мол, главное – симулировать аппендицит, а там машина-санитарка в нашем распоряжении и пару часов можно будет кататься по городу, а если повезёт – познакомиться и с девушками. Для чего...? Не имело смысла... Но идея оказалась занятной, и я готов был пожертвовать собой ради общего блага. В приёмном покое медицинского пункта прошло всё успешно. Даже температура подпрыгнула до 37,5. Но, когда вопрос стал о погрузке в санитарку, все планы о приключениях перебил старший машины, которым оказался дежурный по автопарку – прапорщик С. Деваться было некуда. Машина заведена, прапорщик занял место старшего автомобиля. Пришлось ехать в госпиталь. Олег – санинструктор успокаивал меня тем, что теперь можно будет отдохнуть некоторое время от службы. Я же беспокоился за свой живот ещё больше, так как подобным образом не хотел зарабатывать себе на отдых.

С жадностью мы всматривались в огни вечернего Харькова и представляли, как могли бы провести время без стар-

шего.

Долго и тщательно хирург расспрашивал меня о моих жалобах, собирая анамнез моего заболевания. Затем внимательно пальпировал мой живот, заставляя принимать разнообразные позы и положения. Я волновался и путался с характером болей, сбивчиво поясняя об их мигрирующем характере. Но когда вопрос стал о немедленном проведении операции, все жалобы улетучились.

Пять дней я «мужественно» пролежал в лазарете, исполняя роль выздоравливающего пациента. Сдавал анализы, измерял температуру тела, ловил на себе сочувственные взгляды окружающих. Но дело шло на поправку, и вскоре меня выписали. История закончилась успешно. Я немного отъелся на дополнительных харчах. Но во взводе это не нашло поддержки и я услышал в свой адрес новый эпитет «Косарь». Ежедневный груз забот взвалился на мои плечи с удвоенной силой. В армии не принято болеть, даже по-настоящему, так как твои обязанности будут выполнять здоровые за то же время и ту же оплату.

Работы во взводе охраны было много. Что мы охраняли, я так и не понял. По логике объектом охраны мог быть учебный аэродром. Но в караул по аэродрому солдат не брали. Руководством училища вся ответственность была возложена на курсантов. Большую часть времени мы проводили на каких-то стройках, в частных домах, подвалах. По вечерам же загружали мусоровозки. Это было самое грязное и неприят-

ное занятие, выполнение которого «доверяли» солдатам-новобранцам.

Зима, вечер, с темного неба падает хлопьями снег, а ты стоишь по колено в отходах, из которых поднимается пар, и грузишь лопатами, а иногда и руками всё это в машину. Одежда пропитывается какой-то мерзкой влагой, мусор западает в карманы бушлата, сапоги, и даже в портянки и в шапки. От мусора тошнит и кружится голова. С крыши мусорки за работой наблюдает улыбающийся сержант, лениво выкуривающий сигарету за сигаретой и периодически подгоняющий нас: «Быстрее-быстрее, духи, холодно!»

Мама во время приезда на присягу ободрила меня: «Скоро попадёшь, сынок, в спортроту и всё будет в порядке!» Я не верил, но тренировался. В пэ/ша и в кирзовых сапогах наматывал километры по асфальтированному училищному кругу в часы, отведённые для просмотра программы «Время». По дороге обгонял одетых в спортивную форму офицеров, курсантов. От бега в сапогах сбивались портянки и стопы покрывались мозолями. Но идея была выше. Ничто не могло остановить: ни насмешки окружающих, ни отсутствие сменной одежды, ни голодный рацион, ни отсутствие горячей воды, и постепенно я довёл свой ежедневный километраж до двадцати километров.

11.01.1990, Харьков

Здравствуй, папа! Спасибо за весточку от тебя. Каждое твоё письмо – это небольшой праздник для меня. Оно напоминает мне о моей гражданской жизни и про связи, которые внезапно оборвались. Спасибо за деньги и купоны, которые я получил в конце декабря. Без купонов ничего нельзя купить и особенно перед Новым годом.

Снабжение Харькова по сравнению с Киевом лучше. Почти в каждом магазине продаются колбасы: Докторская, Останкинская, Русская, иногда бывают копчёные. Рыночные цены ниже киевских. Плохо, что вся молочная продукция продаётся в стеклянных бутылках, что приводит к её удорожанию и делает нас сборщиками стекла. Например, литровая бутылка из-под молока стоит пятьдесят копеек, а само молоко двадцать шесть копеек. Это же абсурдно унижительно! Сколько лишнего времени это отнимает. Но всё это мелочи в сравнении с происходящими событиями в Прибалтике. Неужели и нас это ожидает? Зачем тогда бороться? Что нам это принесёт? Политикой можно накормить только тех, кто и так сыт. Настоящая власть должна обеспечить людей всем необходимым: едой, одеждой, товарами народного потребления за счёт их заработной платы. Ты, наверное, знаешь, что каждый трудящийся нашей страны получает приблизительно одну де-

святую выработанный им условный продукт. А куда идут девять десятых? На нашу бесплатную убогую медицину или на образование? В США на эти же статьи отводятся суммы, в шесть-восемь раз больше, чем в СССР. Неужели после Октябрьской революции наш народ разучился трудиться? Почему он живет в таких условиях? Или мы много тратим на армию, которая защищает нас от самих себя? Мир давно понял, что никто ни на кого не собирается нападать. Кому нужна такая колония, как Советский Союз?

Какой из меня защитник, если я ещё никогда не держал автомат, не надевал противогаз, и мне даже штык-нож перестали доверять. Единственное, что я делаю, – это хожу в наряды. Объясняю, что это такое.

Наряд по КПП – это сутки стоишь возле ворот нашего училища и следишь за тем, чтобы никакой диверсант не прошёл на его территорию. Тот, кто захочет, – перелезет через забор (как обычный солдат) или зайдет с «чёрного входа». Другой наряд – это дневальный по роте. Двенадцать часов стоишь возле обыкновенной тумбочки с телефоном, отдаешь приветствие офицерам-прапорщикам и т.о. «охраняешь казарму». Сидеть, конечно, нельзя, даже ночью. В оставшееся время – «мальчик на побегушках». И так повторяется сутки через сутки, с семи вечера до семи вечера. Про отдых дневального в уставе ни слова. Иногда бывает, что спишь по два-три часа в сутки, не снимая кирзовых сапог и обмундирования. Зачем, во имя каких

идеалов мы должны гробить здесь своё здоровье?

Я выполнил расчёт. За два года службы в армии солдат для государства обходится в шесть тысяч рублей. В пересчёте на пять миллионов солдат выходит тридцать миллиардов. И эти деньги уходят в трубу. А сколько денег тратится на вооружение, зарплату офицеров? Если бы пять миллионов человек работало на своих местах при среднегодовой зарплате в три тысячи рублей, за те же два года они бы могли получить тридцать миллиардов и принести нашей стране и обществу, по меньшей мере, двести семьдесят миллиардов прибыли. Оставим эту тему. Мне кажется, что я утомил тебя. Расскажу про свою жизнь-быт.

Записался в библиотеку училища. Выбор тут хорош: Драйзер, Платонов, Солженицын, Пастернак, много приложений, фантастики, газет и журналов. Есть теперь, чем заниматься, когда стоишь в наряде. Еженедельно я хожу в увольнение. Харьков не очень чистый город. Чувствуется дыхание России. Грязь, мусор и слякоть на улицах, много сломанных, разрушенных и сгоревших домов, есть улицы без освещения и тротуаров. Никогда бы не сказал, что он был столицей Украины. Но сходить есть куда. На первом месте – что ещё осталось в магазинах, на втором – кино-театры и музеи.

В Рождество Христово провёл шесть часов в Благовещенском Храме. Послушал литургию, звон колоколов, поставил свечи, помолился. Под конец службы вышел, как пьяный. По-

следующие три дня болела голова. Размышляю, отчего? Или я надъшался ладаном или я где-то согрешил? Но как не грешить в этой армии?

Из неприятностей: нам увеличили количество командиров. В наш взвод пришли ещё два прапорщика. Таким образом, на одного командира приходится два с половиной солдата. А ты знаешь, к чему приводит большое количество руководителей?

Вишнёвая косточка

– Славянка, есть у тебя девушка? – спросил Ахмет во время чистки автомата.

– Есть, конечно! Ярославой зовут! – гордо ответил Слава.

– Красивое у неё имя! Покажь фото!

Слава достал из блокнота маленькую помятую чёрно-белую фотокарточку своей девушки и передал Ахмеду. Они служили второй месяц и невольно стали друзьями. Он привык к такому необычному обращению, так как считал его своим другом и тот защищал его от нападков таджиков и киргизов. Ахмед учил его узбекским словам, а Слава – украинским. Было видно, что Ярослава понравилась Ахмеду, так как фотографию он долго и внимательно рассматривал.

– Молоденькая! Она приедет к тебе на присягу?

– Думаю, да. Она живёт с бабушкой, и та обещала отпустить её с моей мамой.

– Сколько ей лет? Вы давно встречаетесь?

– Да, давно, – соврал Слава. Ему хотелось выглядеть взрослым в глазах товарища, и он сказал, что они ровесники, хотя Ярославе было всего шестнадцать и между ними было два года. В восемнадцать лет два года кажутся пропастью в отношениях, разговоре, внешности.

Их познакомили его родители. Слава поначалу сопротивлялся, отнекивался, ссылаясь на тренировки и учёбу. Про

себя он считал, что чувства не возникают по желанию извне и должны загораться мгновенно. Маленькая, веснушчатая, с серыми глазами и узкой полоской губ, старомодно одетая – она не вызывала у него симпатию с первого взгляда. Но когда она пришла к ним домой с больным щенком, и он услышал её грамотную начитанную речь, он проникся к ней уважением. Она отличалась от однокурсниц из медицинского училища. Знаниями, кругозором и недетским мышлением.

– Ярослав, давай дружить?

– Давай Слава. Только называй меня Славкой, договорились.

Он был согласен. Необычно, но всё же. После учёбы и вечерней тренировки они, несмело взявшись за руки, гуляли по маленькому городу, где почти все знали друг друга. Кафе, кино, библиотека, шахматный клуб, дрессировочная площадка. Он купила у отчима щенка немецкой овчарки, и Слава давал девушке уроки служебного собаководства. В то же время ей было интересно всё, что и ему, и она проникалась его интересами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.